

Система экономических оснований древнерусского политогенеза (середина VIII — начало XI в.)*

Кулешов Вячеслав Сергеевич

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
 Научный сотрудник Отдела нумизматики
 Белорусский государственный университет
 Аспирант кафедры истории России
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В настоящей статье описана система экономических оснований культурной и политической истории древнейших русских обществ Восточной Европы середины VIII — нач. XI в. Эта система реконструируется в виде семерки подсистем: торговой, фискальной, административной, военной, дипломатической, религиозной и наемно-договорной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Восточная Европа, Древняя Русь, раннее средневековье, экономика, политогенез

Kuleshov Viach. S.

The System of Economic Foundations of Old Rus' Sociopolitical Development (Mid-8th — Early 11th centuries)

Kuleshov Viacheslav Sergeevich

State Hermitage Museum (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Researcher at the Department of Numismatics
 Belarus State University (Minsk, Republic of Belarus)
 Graduate Student of the Chair of Russian History
 viacheslav.kuleshov@gmail.com

ABSTRACT

In the present article, the author describes the system of economic foundations of cultural and sociopolitical history of the oldest Rus' communities in Eastern Europe in mid-8th — early 11th centuries. The system is reconstructed as a group of seven subsystems — these are trade, fiscal, administrative, military, diplomatic, religious and mercenary-contractual ones.

KEYWORDS

Eastern Europe, Old Rus', Early Medieval period, economy, sociopolitical development.

Проблемы описания и реконструкции экономических оснований политических процессов древности и средневековья занимают важное место в современной исторической науке и являются остро актуальными. Особое значение историко-экономических исследований для прояснения частных случаев политогенеза очевидно в контексте гипотезы (явно или неявно принимаемой большинством историков) о зависимости форм и путей возникновения и развития государственности от хозяйственно-экономических условий и предпосылок.

*Расширенный текст выступления в дискуссии на международной конференции «Lost in Translation? Ibn Fadlan and the Great Unwashed» (Оксфорд, колледж Корпус Кристи) 15 марта 2016 г. При поддержке Arts and Humanities Research Council (AHRC), проект AH/K004026/1 «Dirhams for Slaves. Dirham hoards from Northern Europe, trade in Slavic slaves, and the emergence of Medieval Europe».

В настоящей статье предлагается ряд соображений и тезисов к проблеме экономических оснований древнейшего русского политогенеза (середина VIII — нач. XI в.) и проводится реконструкция этих оснований в виде системы. Последняя задача требует пояснения. Дело в том, что при всем динамизме, противоречивости и кажущейся «сюжетной разноплановости» эпохи сложения русской государственности, в восточноевропейском историко-политическом процессе раннего средневековья могут быть выделены и описаны ряд базовых культурных, политических и торгово-экономических факторов, действовавших неизменно и в рамках единой стратегии, составляющей то, что можно назвать «содержательным каркасом» и «генеральным фоном» раннедревнерусской истории. Как представляется, реконструкция этого каркаса в виде системы позволит объяснить под общим углом зрения единичные события, эпизоды и микропроцессы (т. е. конкретные показания конкретных источников), относимые к сфере политогенеза.

Под термином «политогенез», восходящим в отечественной науке к идеям Л. Е. Куббеля в области потестарно-политической этнографии, в последнее время существенно дополненным и уточненным Н. Н. Крадиным, следует понимать процесс возникновения и ранние этапы развития государственности (верховной власти, административного аппарата, институтов). Использование этого термина, уже прочно вошедшего в научный обиход, позволяет, во-первых, удачно избежать дискуссий о сути, функциях, формах и признаках государства вообще, и, во-вторых, не останавливаться на противопоставлении «догосударственных», «протогосударственных», «предгосударственных» и «раннегосударственных» образований и отысканию трудноуловимых различий между ними. Несмотря на немалое количество взглядов (в том числе и взаимоисключающих), высказанных в историографии XIX — начала XXI в. относительно специфики государственности ранне-средневековых обществ Восточной Европы, большинство противоречий могут быть нейтрализованы указанием на тот факт, что в последние века I тысячелетия и в начале II тысячелетия н. э. все общества Восточной Европы (за исключением населения византийских фем Северного Причерноморья и дербентского княжества Хашимидов) пребывали на ранних стадиях сложения и/или трансформации своих государственных институтов — как при сколь угодно узком, так и при сколь угодно широком понимании структуры и функций этих последних.

Попытаемся наметить здесь то, что должно рассматриваться в качестве прямых и косвенных экономических оснований политогенеза. Это, в первую очередь, явления и процессы товаро- и ресурсооборота (в терминах современных экономических моделей — элементы сферы торговли и рынка), налогообложения и денежного обращения (в современных терминах — элементы финансовой сферы) и, во вторую очередь, события экономически обусловленные или планируемые с учетом кратко- и/или долгосрочных экономических последствий и перспектив. Эти события могут квалифицироваться и оцениваться их инициаторами и участниками (и вслед за ними — средневековыми авторами и современными историками) как *по преимуществу* политические или социально-политические. К таковым относятся войны и походы (их прямые экономические задачи: захват ценностей и пленников, расширение податной базы, утверждение контрибуций и даней), дипломатические контакты и соглашения (задачи: определение торговых преференций, введение нормативной базы торговых связей, обеспечение безопасности торговых коллективов), колонизация и расширение податных территорий (задачи: обеспечение демографической и товарно-сырьевой базы устойчивого роста), создание укрепленных и неукрепленных военно-торгово-административных поселений, пристаней и торжищ (инфраструктурная составляющая), упорядочение и институционализация систем и норм жизнеобеспечения (культурная составляющая). Легко заметить, с одной стороны, насколько все эти сферы политической и социальной жизни взаимосвязаны и, с другой сто-

роны, насколько они обычны для политогенеза любого уровня сложности. Подчеркнем методическую важность двухуровневой схемы представления, включающей элементы двух логически соподчиненных классов (прямые vs косвенные экономические основания): очевидно, что двухуровневость такого типа в источниковедческом плане должна соответствовать противопоставлению сферы материальных источников (нумизматических и археологических данных о фактах денежного обращения и торговли) и сферы письменных (свидетельства о фактах военно-политической и дипломатической и культурной истории).

Необходимо кратко охарактеризовать современную историографическую ситуацию в последней сфере. В ней заметен впечатляющий прогресс по сравнению со взглядами на историю VIII–XI вв., развивавшимися в российской науке XIX — первой четверти XX в., и в особенности в советской исторической науке с ее жесткими идеологическими и методологическими установками, современная плюралистическая научная картина, отраженная в частных (аналитических) и обобщающих (синтетических) публикациях последних десятилетий, значительно усложнилась, обогатилась, претерпела и продолжает претерпевать весьма заметную перестройку. Эта перестройка происходит благодаря более широкому, систематическому и внимательному учету разных (в том числе совершенно новых) групп источников, объяснению и взаимному соотношению их свидетельств, появлению новых памятников и установлению новых фактов, преодолению устаревших и ошибочных и введению новых и многообещающих моделей, подходов, концепций и гипотез. При этом не подлежит сомнению, что в области изучения исторических ситуаций, форм и процессов сложения и развития русской государственности на этапах, предшествующих возникновению устойчивой летописной традиции (т. е. ранее конца XI в.), сохраняется большое количество спорных тем и вопросов. Они относятся к широкому кругу областей и направлений: это выявление, критика и реконструкция памятников и свидетельств древнерусской устной традиции X–XI вв., критическое и сопоставительное изучение данных иноязычных письменных традиций (арабской, персидской, еврейской, греческой, латинской, исландской и др.), содержащих сведения о Восточной Европе VIII–XI вв., выявление и реконструкция фактов и процессов этнической и этносоциальной истории и этнокультурного взаимодействия восточноевропейских обществ VIII–XI вв. (скандинавских, славянских, балтийских, прибалтийско-финских, волжско-финских, камско-финских, угорских, тюркских, аланских и кавказских групп), моделирование и верификация отдельных эпизодов и целых блоков восточноевропейской истории VIII–XI вв. данными археологии, этнографии, культурной антропологии и типологии политических ситуаций. (Этот неполный перечень может быть продолжен и детализирован. См. новейшие обобщающие и концептуальные работы [2; 7; 12; 13; 15; 19].)

В каждой из упомянутых областей представлены многочисленные сюжеты, относящиеся к экономической истории и источниковедению раннесредневековой восточноевропейской экономики, до сих пор должным образом не собранные вместе и систематически не проанализированные. Несмотря на то обстоятельство, что изучение раннесредневековых восточноевропейских экономических систем и товарно-денежных отношений имеет исключительное значение для понимания движущих факторов древнейшего русского политогенеза, результаты специальных исследований по этим темам все же плохо известны широкому кругу специалистов, недостаточно востребованы ими и мало отражены в публикациях последнего времени. (См. например: [14; 4]. В виде исключения нужно указать на специальные монографии В. Б. Перхавко [10; 11], М. М. Шумилова [20] и новейшую книгу А. П. Толочко [18].) Следует констатировать, что исследовательская программа экономической истории древнейшей Руси, основанная еще в 1840-х гг. П. С. Савельевым и В. В. Григорьевым, а в конце XIX в. получившая новый импульс в рамках синтеза, осуществленного В. О. Ключевским [4]

(см. также [17]), пока не достигла своих целей и не принесла общеобязательных результатов. (Иначе трудно объяснить существование и осязаемое влияние целых направлений и школ изучения древнерусской истории, в которых историко-экономические блоки и соответствующая источниковедческая база либо почти отсутствуют, либо редуцированы к сумме второстепенных, малозначительных, случайных и просто ошибочных положений. Особенности, в частности, школы И. Я. Фроянова и А. Ю. Дворниченко являются *методологический изоляционизм*, т. е. установка на изучение оснований древнерусского политогенеза вне общемирового исторического, политического и экономического контекста, *наивный автохтонизм*, т. е. склонность видеть истоки древнерусской государственности исключительно в «племенных институтах» ранне-средневековых славянских обществ Восточной Европы, и наконец *слабая компетентность* в археологических, нумизматических и иноязычных письменных источниках IX–XI вв. Нет самого главного: ускользает понимание логики древнейшего русского политогенеза как диалога культур.)

Что следует в первую очередь иметь в виду, вновь обращаясь к историко-экономической программе исследования древнейшего русского политогенеза и обосновывая необходимость подготовки нового синтеза? Прежде всего следует самым ясным образом указать на масштабный и революционный характер изменений, имевших место в Западной Евразии в течение VIII в. и в конечном итоге приведших к становлению новой системы международных коммуникаций широкого спектра, связавших между собой большинство регионов от Халифата 'Аббасидов (включая Ближний Восток, Ирак, Иран и Среднюю Азию) и всего Средиземноморья на востоке и юге до Западной и Центральной Европы, Скандинавии и лесной зоны Восточной Европы на западе и севере. Эти изменения заложили основу нового этапа культурной, экономической и политической истории Старого Света, разнообразные проявления которого получили различные локальные наименования: «мусульманский ренессанс», Каролингское возрождение, эпоха викингов, хазарское время — последние два соответствуют историческому процессу в Восточной Европе (ср. в частности: [21; 1; 8; 6]). Взятые вместе, они задают надежную основу описания этнокультурного контекста древнейшего русского политогенеза, которым оказывается «русо-хазарский диалог на внутренних речных и международных путях» (итоги развития этой концепции полнее других подведены и сформулированы В. Я. Петрухиным, Е. А. Мельниковой, И. Г. Коналовой, Т. М. Калининой, Д. А. Мачинским и Е. А. Шинаковым).

Корпус письменных источников (главным образом, показания арабских, латинских и, в несколько меньшей степени, еврейских и персидских авторов: см., в частности, свод [3]) и должным образом интерпретированных нумизматических памятников Восточной Европы и Циркумбалтийского региона IX–X вв. позволяют представить широчайший географический контекст (от Швеции до Багдада и Константинополя, между Каспием и Балтикой) поселенческой, торговой, военной и дипломатической активности скандинавских (североевропейских) и русских (восточноевропейских) обществ (дружин и государств) и реконструировать систему экономических оснований древнейшего русского политогенеза (в обоснованном выше смысле). В самом сжатом виде эта система должна формулироваться в виде семерки тесно связанных между собой подсистем: (1) торговой, (2) фискальной, (3) административной, (4) военной, (5) дипломатической, (6) религиозной и (7) наемно-договорной, между которыми должны были складываться и балансироваться определенные функциональные и иерархические отношения.

В рамках *торговой подсистемы* осуществлялись транспортировка и обмен базовых групп товаров восточноевропейского предложения на денежный металл — серебро (в виде монет, слитков и бытовых предметов) и важнейшие товары русского спроса — золото, парчу и бусы. Такими товарами предложения, в первую очередь, являлись рабы и драгоценные меха (в рассказе Ибн Фадлана о ру-

сах) и, во вторую очередь, каролингские мечи (в рассказе Ибн Хурдадбиха), олово (в рассказе ал-Истахри) и некоторые другие группы товаров (такие как бобровая струя). Ведущими контрагентами (перечисляются здесь суммарно и в условно-хронологическом порядке) выступали торговые общины городов Хазарии, Крыма, Прикаспия, центральных областей Халифата, Волжской Булгарии, Хорезма, Подунавья, Византии и Центральной Европы.

В рамках *фискальной подсистемы* формировались институты даней [17] и полюдий [5]. Дани взимались напрямую, в виде товарной ренты (драгоценными мехами, ср. летописные *черную куну* и *белую веверицу*) и натуральной ренты («корма»), и косвенно — в виде выкупа за насильно обращенных в рабство.

В рамках *административной подсистемы*, во-первых, осуществлялась первичная «разметка» территорий, правил и норм даннического подчинения локальных восточноевропейских обществ (славянских, балтийских, прибалтийско-финских, волжско-финских и др.) и, во-вторых, развернулся процесс урбанизации особого типа. Этот тип урбанизации представлен во многих локальных центрах (сюда включаются и «города», такие как Полоцк и Киев, и «зоны градообразования» — ильменско-новгородская, смоленско-гнездовская, черниговская и др.) и отмечен столкновением, пересечением и объединением интересов правящих и торговых элит разных уровней и разного (этнического и этнокультурного) происхождения. Существование и взаимодействие этих последних должно рассматриваться как общий контекст «соучастия и напряжения», составивший основу восточноевропейского (древнерусского) полигенеза и зарождающейся городской жизни X–XI вв.

В рамках *военной подсистемы*, во-первых, осуществлялась добыча наиболее дорогостоящей и востребованной на ближневосточных, средиземноморских и центральноевропейских рынках товарной категории — рабов (*девушек-джавари* и *юношей-гилман*) и, во-вторых, оформлялись «приступы и отступы» дипломатических контактов с ближними и дальними соседями. Еще раз отметим общеизвестный факт: направления военных (морских и сухопутных) походов русов IX–X вв. соответствовали векторам торговой активности, зафиксированным письменными памятниками и нумизматическим материалом. Это Византия и ее периферия (Константинополь, города Крымского полуострова, Нижнее Подунавье), Прикаспий и Восточное Закавказье (Гурган, Табаристан и Арран), Хазария и ее периферия (Нижнее Подонье, регионы славяно-хазарского пограничья в Среднем Поднепровье, Верхем Подонье и Поочье, Таматарха/Тмутаракань/Тамань), Волжская Булгария.

В рамках *дипломатической подсистемы*, хорошими примерами и памятниками которой являются договоры русов с греками X в., обеспечивалась безопасность торговых экспедиций и устанавливались и расширялись внешнеполитические связи правящих элит. (Позднее в рамках этой подсистемы установилась и практика династических связей.) См. также [9].

В рамках *религиозной подсистемы*, на раннем этапе обслуживавшей преимущественно экономические интересы (ср. свидетельство Ибн Хурдадбиха о миметическом христианстве русов и свидетельство Ибн Фадлана о культе торговли и богатства и о верховном боге русов, в котором уверенно опознается Один), разыгрывалось содружество-вражда язычества скандинавского типа с христианством. Крещение княгини (*архонтиссы*) Ольги в середине X в. имело прозрачную торгово-дипломатическую подоплеку, политико-экономическую подоплеку имел и религиозный компонент «программы государственного строительства» Владимира Святославича с его попыткой реформы русского язычества, «конкурсным» выбором веры и окончательным принятием христианства.

В рамках *наемно-договорной подсистемы*, роль которой нельзя недооценивать и которая представлена по меньшей мере двумя классами примеров IX–XI вв., осуществлялась практика посреднической (наемной) дипломатии и/или разведки

(ср. рассказ Бертинских анналов о русах в Ингельгейме IX в.) и наемная военная и охранная служба (в Византии, Европе и исламских государствах). Помимо прямого экономического значения (оплата услуг и выплата жалования), эта подсистема имела и более важное косвенное, состоящее в расширении горизонтов культурных связей его агентов и выступающее (особенно отчетливо уже в XI–XII в.) как фактор дальних культурных влияний.

Таким образом, система экономических оснований и драйверов политогенеза древнейших русских обществ VIII–XI вв. оказывается одновременной и сложной (в смысле полифункциональности) и простой (в смысле следования единой адаптивной стратегии, основанной на экспансии широкого спектра: территориально-административной, торгово-экономической, военно-дипломатической).

В заключение я хотел бы подчеркнуть следующее: недопустимо смешивать *основания* политогенеза с его *причинами*. Последние лежат глубже, чем в слое хозяйственно-экономических реалий, условий и предпосылок, а именно: в механизмах культурной адаптации развивающихся обществ к цивилизационным и государственным моделям более продвинутых («очаговых») зон. Для рождающегося «русского мира» VIII–XI вв. такими «донорами» идей и форм государственности стали в равной степени и практически одновременно центральные и периферийные зоны четырех цивилизаций: исламской (умаййадская Испания, центральные области Халифата, Средняя Азия), тюркской (Хазария и Волжская Булгария), византийской (Константинополь, Подунавье и Причерноморье) и европейской (империя Каролингов и входящие в ее орбиту славянские королевства и княжества Центральной Европы).

Литература

1. Артамонов М. И. История хазар. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.
2. Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении Древнерусского государства. СПб. : Евразия; М. : Клио, 2014.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Е. А. Мельниковой. М. : Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013.
4. Ключевский В. О. Боярская дума древней Руси: изд. 5-е. Петербург [sic], 1919.
5. Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М. : РОССПЭН, 1995.
6. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб. : Евразия, 2005.
7. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2011.
8. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. : Наука, 1990.
9. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. : Наука, 1968.
10. Перхавко В. Б. Торговый мир средневековой Руси. М. : Academia, 2006.
11. Перхавко В. Б. Средневековое русское купечество. М. : Кучково поле, 2012.
12. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск : Русич; М. : Гнозис, 1995.
13. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М. : ФОРУМ; Неолит, 2013.
14. Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2007.
15. Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда : ООО НИЦ «Древности Севера», 2012.
16. Святловский В. В. Примитивно-торговое государство как форма быта. (Записки Ист.-фил. фак-та Имп. Санкт-Петербургского ун-та. Ч. СХVIII.) СПб. : Типография «Герольд», 1914.
17. Темушев С. Н. Налоги и дань в Древней Руси. Минск : БГУ, 2015.
18. Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб. : Лаурус, 2015.
19. Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Издание второе, исправленное и дополненное. М. : «Восточная литература» РАН, 2009.

20. Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVII вв.). СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.
21. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars.* (Princeton Oriental Studies. Vol. 16.) Princeton, NJ : Princeton University Press, 1954.

References

1. Artamonov M. I. *History of Khazars* [Istoriya khazar]. L. : Publishing house of State Hermitage [Izd-vo Gos. Ermitazha], 1962. (rus)
2. Dvornichenko A. Yu. *Mirrors and chimeras. About emergence of the Old Russian state* [Zerkala i khimery. O vozniknovenii Drevnerusskogo gosudarstva]. SPb. : Eurasia; M. : Clio, 2014. (rus)
3. *Ancient Russia in the light of foreign sources* [Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov] / Under the editorship of E. A. Melnikova. M. : Dmitry Pozharsky University [Un-t Dmitriya Pozharskogo], 2013. (rus)
4. Klyuchevsky V. O. *Council of Boyars of ancient Russia* [Boyarskaya дума drevnei Rusi]. Edition the 5th. Petersburg [sic];, 1919. (rus)
5. Kobishchanov Yu. M. *Poliudie: phenomenon of a national and world history of civilizations* [Polyud'e: yavlenie otechestvennoi i vseмирnoi istorii tsivilizatsii]. M. : ROSSPEN, 1995. (rus)
6. Lebedev G. S. *Era of Vikings in Northern Europe and in Russia* [Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi]. SPb. : Eurasia, 2005. (rus)
7. Melnikova E. A. *Ancient Russia and Scandinavia: Chosen works* [Drevnyaya Rus' i Skandinaviya: Izbrannye Trudy]. M. : Dmitry Pozharsky's University [Universitet Dmitriya Pozharskogo], 2011. (rus)
8. Novoseltsev A. P. *The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus* [Khazarское gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza]. M. : Science [Nauka], 1990. (rus)
9. Pashuto V. T. *Foreign policy of Ancient Russia* [Vneshnyaya politika Drevnei Rusi]. M. : Science [Nauka], 1968. (rus)
10. Perkhavko V. B. *Trade world of medieval Russia* [Torgovyi mir srednevekovoi Rusi]. M. : Academia, 2006. (rus)
11. Perkhavko V. B. *Medieval Russian merchants* [Srednevekovoe russkoe kupechestvo]. M. : Kuchkovo field [Kuchkovo pole], 2012. (rus)
12. Petrukhin V. Ya. *Beginning of ethnocultural history of Russia of IX–XI centuries* [Nachalo etnokul'turnoi istorii Rusi IX–XI vv.]. Smolensk : Rusich; M. : Gnosis, 1995. (rus)
13. Petrukhin V. Ya. *Russia in the IX–XI centuries. From calling of Varangians before the choice of belief* [Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very]. M. : FORUM; Neolith, 2013. (rus)
14. Puzanov V. V. *Old Russian statehood: genesis, ethnocultural environment, ideological constructs* [Drevnerusskaya gosudarstvennost': genezis, etnokul'turnaya sreda, ideologicheskie konstrukty]. Izhevsk : Publishing house «Udmurt University» [Izd. dom «Udmurtskii universitet»], 2007. (rus)
15. *Russia in the IX–XI centuries: archaeological panorama* [Rus' v IX–X vekakh: arkhologicheskaya panorama] / Executive edition of N. A. Makarov. M.; Vologda : LLC Research Center «Antiquities of North» [Drevnosti Severa], 2012. (rus)
16. Svyatlovsky V. V. *Primitive and trade state as life form of living.* (Notes of History and Philosophy Faculty of the Imperial St. Petersburg University. P. CXVIII.) [Primitivno-torgovoe gosudarstvo kak forma byta. (Zapiski Ist.-fil. fak-ta Imp. Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ch. CXVIII.)]. SPb. : Printing house Herold [Tipografiya «Gerol'd»], 1914. (rus)
17. Temushev S. N. *Taxes and a tribute in Ancient Russia* [Nalogi i dan' v Drevnei Rusi]. Minsk: BSU, 2015. (rus)
18. Tolochko A. P. *Sketches of initial Russia* [Ocherki nachal'noi rusi]. Kiev; SPb. : Laurus, 2015. (rus)
19. Shinakov E. A. *Formation of the Old Russian state: comparative-historical aspect* [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskii aspect]. Edition second. M. : «East literature» of the Russian Academy of Sciences [Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: sravnitel'no-istoricheskii aspect], 2009. (rus)
20. Shumilov M. M. *Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (the IX – XVII centuries)* [Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)]. SPb. : Dmitry Bulanin, 2006. (rus)
21. Dunlop D. M. *The History of the Jewish Khazars.* (Princeton Oriental Studies. Vol. 16.) Princeton, NJ : Princeton University Press, 1954.